

Эжен поднял лицо, с которого капала вода и посмотрел в зеркало. В нем отражалось лицо мужчины, которому было ровно столько же лет, сколько его отцу, когда тот умер. Знакомое и незнакомое лицо одновременно.

Эжен молча разглядывал себя в зеркале.

Отражение в зеркале напомнило ему о том, что приснилось ему прошлой ночью. Сон, который был таким ярким, словно был частью реальности, был не просто сном, а фрагментом его прошлой жизни.

Эжен до сих пор отчетливо помнил те трудные времена.

Влажный воздух на сыром чердаке и облезлые деревянные стены, которые даже нельзя было побелить. Холодный воздух, проникавший сквозь щели в ветхих стенах и окнах. Усталость, которая пробирала его до самых костей после целого дня работы, и голод, которое он испытывал, когда засыпал с пустым желудком.

Эжен помнил все.

Он никогда не забывал ничего из своих жалких детских воспоминаний.

Он учился по книге, выброшенной студентом, который жил внизу, записывая все с помощью куска угля, который подобрал на улице. Он ел все, что мог переварить его желудок, и изучал и запоминал вещи, которые должны были пригодиться в будущем, наблюдая за другими людьми или прислушиваясь к их речам.

Собрав все оставшиеся у него деньги и организовав похороны своего отца, он посвятил себя военно-морскому флоту, в который его приняли, прилагая отчаянно все свои усилия.

Те тяжелые дни повлияли на его внешность, и он видел это в зеркале. Все прожитые годы отпечатались на его лице, оставив глубокие следы, похожие на годовые кольца у деревьев.

У него были серые глаза и седые волосы, как у его отца, но его седина была более насыщенного цвета, чем у его отца. Его волосы были светлее, а глаза темнее.

В отличие от его отца, у которого была светлая кожа, как у женщины, его кожа на лице, огрубевшая от морского ветра, была темно-медного цвета, и даже полностью зажившие шрамы были красноватыми от солнца.

Несмотря на то, что в них текла одна кровь, тот факт, что у него были более жесткие черты, чем у его отца, указывало на то, что среда, в которой жил его отец, сильно отличалась от той, в которой жил он сам.

Это было лицо человека, который остался один в 16 лет и жил так, как сам решил, оно было жестким, как гранит. Суровое лицо человека, который привык быть сдержанным и бережливым, питаясь только тем, что ему удавалось добыть собственными руками.

Однако эмоции, бурлившие в его сердце, были для него новыми.

Честолюбие, которое он подавлял в себе всю жизнь. Чувство, которое он презирал, ненавидел и от которого старался держаться подальше, теперь медленно зарождалось в нем.

...Его Величество действительно великий человек. Как можно так сильно взволновать кого-то всего несколькими словами?

Вы не можете обмануть себя, даже если можете обмануть других.

Эжен понял, что он уже принял предложение императора.

Похоже, что он все же был настоящим сыном своего настойчивого отца. Несмотря на то, что он знал, что в нем говорила жадность, ему не хотелось отступать.

Каков отец, таков и сын.

Поскольку он продолжал смотреть в зеркало, не шевелясь, слуга, который прислуживал ему, растерянно его окликнул:

- Ваше превосходительство?

Эжен погрузился в раздумья, все еще рассматривая себя, и очнулся только после того, как слуга несколько раз его окликнул. Как только он пришел в себя, вода, стекающая по его лицу, уже намочила воротник. Эжен криво улыбнулся и взял полотенце.

- Сколько сейчас времени? - спросил Эжен слугу, повязывая галстук поверх сухой рубашки.

Слуга, помогавший Эжену одеваться, взглянул на часы и со всей серьезностью ответил:

- Время начала церемонии пробуждения Его Величества.

Ладно, но сколько же времени?

Эжен, не привыкший к дворцовым выражениям, был в растерянности. К счастью, слуга уловил его настроение и продолжил дальше, как ни в чем не бывало,

- Пару минут девятого. Вскоре Его Величество приступит к завтраку.

Теперь Эжен все понял и просто кивнул головой.

К счастью, Эжен не был приглашен на завтрак Императора. Даже кардиналы Юстаса присутствовали сегодня на завтраке Императора.

Эжен, наверное, был единственным во всем дворе, кто мог этому обрадоваться, но что еще он мог сделать?

То, что в его сердце зародилось незнакомое ему честолюбие, не означало, что оно изменит его натуру.

Он, привыкший к простой жизни моряка, относился к сложному придворному этикету, как к не более, чем тяжелой шерстяной одежде в жаркое время года.

- Принеси мне легкий завтрак и письменные принадлежности. Утром мне нужно поработать.

Нужно разобраться с приглашениями, лежащими на столе горой, пока у меня есть время.

Эжен, решив заняться этим, отдал приказ слуге, который закончил приводить в порядок его одежду.

<http://bllate.org/book/13046/1151464>